

ГЕОКОНЦЕПТЫ В ГЕОГРАФИИ

Калуцков Владимир Николаевич,

доктор географических наук,

профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова

E-mail: bratynia@rambler.ru

В статье разрабатывается теоретическое представление о геоконцепте как новом объекте географических исследований. Под геоконцептом понимается любое значимое для определенного человеческого сообщества место, обладающее устойчивым образом (геоконцепт = образ + топоним + территория). Геоконцепты – продукт концептуализации территории, формирующийся под воздействием науки, искусства, политики, СМИ.

Обсуждаются перспективы исследований региональных и локальных геоконцептов в русском культурном пространстве. На примере Русского Севера рассматривается вековая (образная, топонимическая, пространственная) динамика геоконцепта.

Ключевые слова: геоконцепт; топоним; место; территория

УДК 910.1:001.4

Теоретические представления о геоконцепте

Что такое геоконцепт?

Геоконцептом может быть любое место. *Москва, Париж, Россия, Америка, Русский Север, Сибирь, Бородинское поле, Арбат* – всё это примеры геоконцептов, разных по масштабам, территориальной локализации, спектру связанных образов. Эти места объединяет, во-первых, то, что они названы в рамках определенной культуры (в данном случае русской культуры – поэтому *Париж*, а не *Пари/Paris*). Во-вторых, каждое из приведённых мест обладает устойчивыми в рамках данной культуры образами, проявляющимися в виде ассоциаций, исторических преданий, пословиц, присловий. И, в-третьих, все эти места-топонимы могут быть локализованы, связаны с определенной территорией.

В структурном плане любой геоконцепт состоит из *трёх слоёв* – информационно-образного, ономастического (назывного) и территориальной основы. Тем самым, в качестве собирательного понятия он «стягивает» и удерживает как целое образ места, топоним и определённую территорию/место [см. Замятина 2011: 34-35].

Словесная формула геоконцепта может быть выражена следующим образом: *образ + топоним + территория*.

Смысловое наполнение геоконцепта, семантическая окраска, топонимическое оформление зависит от того, кто, в каком контексте, в какой ситуации говорит о нём. Особенно ярко этот аспект проявляется на культурных границах; для территорий, принадлежащих к разным культурам.

Таким образом, под геоконцептом понимается *любое значимое для определенного общества место, обладающее устойчивым образом*.

Соотнесённость геоконцепта с конкретной территорией имеет важное значение, однако во всех культурах мира существуют экстерриториальные геоконцепты, т.е. такие, которые не имеют постоянной («закреплённой») территории и могут быть локализованы в разных местах. К таким, например, относятся *Атлантида, Беловодье, страна пресвитера Иоанна,*

Земля Санникова, Тартария и другие [Мурзаев 2001]. Некоторые из них в процессе развития географии и картографии получили свои постоянные территории, были локализованы, например, *Китеж, Куньлунь*; другие – нет. Однако все они до сих пор не утратили своего мощного культурного потенциала, потенциала географического воображения – и могут быть использованы в проектах регионального развития.

Таким образом, в геоконцепте территория не задаётся исходно, а «появляется» в процессе локализации топонима. Интересно, что даже такие значимые в национальном культурном пространстве региональные геоконцепты, как *Сибирь* и *Русский Север*, неоднократно меняли культурный статус и территориальное прикрепление. Так, западная граница *Сибири* пока не закрепились на Урале в течение XVIII-XIX веков «гуляла» от Дона до Енисея.

Тем самым, с теоретических позиций *множественность* (неоднозначность) *территориальной локализации геоконцепта* может рассматриваться как его фундаментальное свойство. Ретерриториализация (смена территориального прикрепления) геоконцепта – это механизм его новой концептуализации.

Два процесса формирования геоконцепта

Любой геоконцепт формируется под воздействием двух основных процессов – естественного, *концептуирования*, и искусственного, *концептуализации*.

С одной стороны, *геоконцепт представляет собой результат концептуирования территории*. При этом под геоконцептуированием понимается процесс *естественного исторического, освоения территории* (преобразования, осмысления, мифологизации) в культуре народа. Эти геоконцепты затем транслируются через системы образования и воспитания. В процессе концептуирования одно или несколько качеств, характеристик территории абсолютизируется, становится доминантным [Митин 2004]. Но есть и внутренние – культурные – барьеры. Одни территории легко концептуизируются, другие – с трудом. Во многом эти свойства связаны с тем значением, которое территория имеет в культурном пространстве данного человеческого сообщества. Иначе говоря, территории, обладающие мощным культурно-информационным полем, легче поддаются концептуированию [Веденн 2004a]. К таким, например, относятся территории, где произошло важное историческое событие или с которыми связана жизнь и деятельность значимой исторической личности.

С другой стороны, *геоконцепт представляет собой продукт концептуализации территории*. Под концептуализацией территории понимается процесс сознательного, *конструктивного* выстраивания её новых смыслов и географических образов. В данном контексте геоконцепты современного общества формируются под активным воздействием науки, искусства, политики, СМИ.

«Урал – опорный край державы», – эта строка Твардовского отражает не столько геополитическое положение Урала (в середине XX века *Урал* давно уже перестал быть окраиной), сколько его индустриальную мощь и его роль в победе в Великой Отечественной войне. Таким образом, *Урал* для Твардовского – это промышленное сердце России.

В соответствии со структурой геоконцепта выделяется *три уровня* концептуализации территории – физический, ономастический и ментальный.

Физическая геоконцептуализация связана с физическим освоением территории с последующим закреплением этого факта в культурном пространстве. Один из самых ярких примеров такого рода – создание *Санкт-Петербурга*. Само строительство русского города в зоне влияния мощной Швеции на «чудском» этническом субстрате было осмыслено как важный идеологический прорыв («окно в Европу»), хотя первым подобным «окном» для России был *Архангельск* (сильный географический образ оказался, как нередко случается, сильнее исторического факта).

На *ономастическом* уровне геоконцептуализация осуществляется в форме номинации или реноминации территории. Вероятно, одним из первых идеологов номинации был Алек-

сандр Македонский, который десятками *Александрий* размечал свою гигантскую империю. В советское время для усиления идеологического воздействия и реконцептуализации территорий активно и эффективно пользовались реноминацией городов и регионов.

Самара являет собой характерный пример разрыва между физическим и топонимическим освоением территории: в городе существует целый спектр мест под названием *Безымянка* – район города, станция метро, железнодорожная станция, *Безымянская ТЭЦ* и даже *Безымянское кладбище*.

Сохранение «физики» места и имени места часто оказывается недостаточным для сохранения прежнего геоконцепта. Это хорошо осознавали христианские миссионеры, которые в борьбе с индейским язычеством переименовывали языческие святыни [Голд 1990]. В другой стране и в другое время подобным приемом пользовались уже в борьбе с христианскими святынями. Сакрализация места представляет собой важный механизм его концептуализации.

Об этнокультурной и территориальной концептуализации территории

В полиэтничных регионах одно и то же место для разных сообществ часто обладает *разными* географическими и историческими образами. В таких ситуациях можно выделить два типа геоконцептов – *этнокультурные* и *территориальные*.

Этнокультурные геоконцепты формируются разными сообществами – этническими, конфессиональными или группами по интересам. Территориальные геоконцепты (страновые; региональные; локальные – городские, сельские) формируются территориальными, региональными или локальными сообществами.

В моноэтнических регионах этнокультурный и территориальный геоконцепты обычно совпадают.

К примеру, древнее Булгарское городище (Татарстан) широко привлекает паломников-мусульман как место принятия ислама на территории России. С другой стороны, не меньший поток православных паломников устремляется сюда в связи с почитанием Авраамия Булгарского, одного из тринадцати доордынских православных святых (очевидно, что локальная география паломничества разная). У каждой из групп формируется свой географический образ, свой вполне определенный геоконцепт этого места.

Вместе с тем, большая часть туристов приезжают в Болгарский музей-заповедник для знакомства с уникальным объектом общенационального и регионального культурного наследия – хорошо сохранившимся средневековым городищем и замечательными музеями. Для этой группы важен территориальный геоконцепт этого места, объективированное представление, в котором учитывается вклад разных культур в историю, географию и образ Болгара.

Очевидно, что в рассматриваемом случае носители разных концептуальных представлений о территории ориентированы на разные типы туристских продуктов: одни – на конфессиональный, а другие – на территориальный.

В целом, этническая концептуализация региона и его территориальная концептуализация дополняют друг друга.

Региональный случай: концепт Русского Севера

Региональные геоконцепты играют важную роль в формировании и функционировании культурного пространства страны. При этом стоящие за ними культурно-географические регионы часто существенно отличаются от официальных, закрепленных сетками административного или экономического районирования. Такие существующие в народном сознании регионы в западной культурной географии называют вернакулярными, или обыденными [Zelinsky 1980]. К «неофициальным» регионам относится и *Русский Север*.

За тысячелетнюю историю концепт *Русского Севера* многократно менялся – от «земли неизвестной» и «чуждой» периферии в VIII-XV вв. до одной из самых значимых провинций

русского культурного мира в XVI-XIX вв. (см. *Таблицу 1*). При этом изменялись не только образ региона и его территориальная локализация, но и – что встречается редко – региональный топоним. Смена названия отражает смену культурного статуса региона в русском культурном пространстве, его новую концептуализацию: *Заволочье – Поморье – Русский Север* [Калуцков 2008].

Подчеркнём, что *Заволочье*, будучи новгородоцентричным концептом-топонимом, представляет собой геоисторический реликт. В позднем средневековье геополитическим конкурентом русскому геоконцепту *Поморье* выступала европейская *Биармия*.

Если на ранних этапах «движение» геоконцептов «*Заволочье*» и «*Поморье*» в культурном пространстве России определялось преимущественно естественными факторами (хозяйственное освоение, культурные сдвиги, смена региональной идентичности, формирование новой региональной картины мира), то в формировании концепта *Русского Севера* в XX веке большую роль сыграли политика, общественное движение и гуманитарные науки.

Таблица 1

**Вековое движение геоконцепта «Русский Север»
в русском культурном пространстве**

Период, века	VIII-XI	XII-XV	XVI-XIX	XX-XXI
Центр русского культурного пространства	Великий Новгород	Великий Новгород	Москва	Москва
Культурный статус	Зарубежье и «земля неизвестная»	«Чудская» ресурсная периферия	Русско-«чудская» культурная провинция	Русская культурная провинция
Топоним, связанный с геоконцептом	Заволочье	Заволочье	Поморье	Русский Север

Наиболее вероятный автор топонима «*Русский Север*» – архангельский губернатор А.П. Энгельгардт, который в конце XIX века после двухлетнего путешествия по вверенной губернии издал в Санкт-Петербурге прекрасно иллюстрированную книгу «Русский Север. Путевые заметки». В самом тексте книги А.П. Энгельгардт использует нетопонимическую форму словосочетания – *русский* (со строчной буквы!) *Север*, но уже в заголовке книги географическое название приобретает форму топонима [Энгельгардт 1896]. Так появляется, вероятно, первое упоминание о *Русском Севере*. Вопрос границ Русского Севера для губернатора не возникал: они совпадали с границами Архангельской губернии (на *рис. 1* обозначен как «Русский Север – 1»).

Важным моментом в региональной концептуализации и продвижении нового топонима стало создание в 1909 году Архангельского общества изучения Русского Севера. Примечательно, что только в Архангельской губернии региональное краеведческое общество получило имя *Русского Севера*, что помогло закрепить представление о *Русском Севере* как именно об этой губернии. Общество объединило в своих рядах сотни северян – представителей власти, священников, инженеров, учителей, а его филиалы были созданы во всех уездах огромной губернии. О значимости этого движения говорит тот факт, что первым председателем общества был избран вице-губернатор. За короткий дореволюционный период общество сумело организовать исследовательскую и просветительскую деятельность по основным направлениям жизни и развития края; активная часть регионального сообщества не только восприняла новое имя края как органичное, но и приняла живейшее участие в его региональном «продвижении».

Рис. 1. Концепт Русского Севера: территориальная динамика в XX веке

Одним из первых исследователей, использовавших нетопонимическую форму «русский Север», был известный историк и правовед М.М. Богословский. В качестве синонимов он употребляет топонимы «Поморье» и «Поморский край» [Богословский 1909]. К первым научным работам, в которых словосочетание «Русский Север» используется в топонимической форме, относятся исторические исследования А.А. Кизеветтера и С.Ф. Платонова [Платонов 1923].

В послевоенное время регион становится объектом научного паломничества со стороны представителей гуманитарных наук (этнографии, фольклористики, диалектологии, искусствоведения). В процессе этих работ сформировались многие крупные исследователи, были созданы целые научные школы. Геоконцепт «Русский Север» стал активно использоваться в гуманитарных исследованиях. Полученные научные результаты позволили

глубже понять культурно-географические особенности региона, своеобразие его локальных культурных традиций [Березович 2000; Веденин и др. 2004; Калущков, Иванова, Давыдова и др. 1998, Каргин, Соловьева 2005, Колесников 1976, Макаров 1993; Матвеев 2001; Ополовников 1977; Русский... 1992, 1995, 2001].

Как следствие, к 1970-м годам сам геоконцепт приобрёл новое – этнокультурное – содержание и новый статус неофициального (ментального) региона, а его границы существенно расширились (на *рис. 1* – «Русский Север – 2»). Ядром «Русского Севера – 2» выступают Архангельская и Вологодская области, а также части Карелии, Ленинградской, Новгородской, Ярославской, Костромской и Кировской областей. На основании результатов многочисленных научных исследований границы «Русского Севера – 2» как *моноэтничного региона* соотносятся с ареалами севернорусского диалекта, севернорусского жилищного комплекса и ареалом расселения русских.

В последние десятилетия происходит новая трансформация геоконцепта. *Русский Север* переосмысливается в качестве *цивилизационного региона*, объединяющего не только русские, но финно-угорские земли, имеющие давние традиции взаимодействия с севернорусскими землями и общие культурные ценности – *Карелию, Коми* и др. В результате новый геоконцепт «Русский Север – 3» охватывает северную половину Европейской России (см. *рис. 1*).

В новой концептуализации *Русского Севера* важна роль регионального сообщества. В 1980-е – 1990-е годы это словосочетание, в основном, использовалось в названиях организаций в сфере культуры: музейное объединение «Художественная культура Русского Севера» в Архангельске, национальный парк «Русский Север» в Вологодской области, государственный ансамбль народной музыки, песни и танца «Русский Север» в Череповце. В последнее десятилетие геоконцепт активно осваивается бизнесом: газета, телерадиокомпания, издательские дома, туристическая фирма, база отдыха, мебельный магазин, объединение инвалидов, разбросанные по территории от *Мурманской области* до *Карелии* и *Коми* носят имя *Русского Севера*.

Отметим две значимые *перспективы* дальнейшей концептуализации *Русского Севера* как «Русского Севера – 3».

Во-первых, мэрия Вологды инициировала разработку нового бренда «*Вологда – столица Русского Севера*», который, с одной стороны, повышает статус Вологды, но, с другой, будет способствовать формированию нового понимания *Русского Севера* как цивилизационного региона, его институционализации и новой регионализации.

Во-вторых, в связи с новыми арктическими инициативами России актуальна проблематика *арктической* границы *Русского Севера*, при разработке которой необходимо учитывать не только природные и политические, но и культурно-исторические реалии.

Отсутствие концепта *Русского Севера* в сфере регионального образования и управления представляется нам одной из важнейших проблем его дальнейшего «продвижения». В учебных пособиях по физической географии, применительно к данному региону обычно используются топонимические выражения «Север Европейской территории России» или «Европейский Север России», а в экономической географии и в сфере управления – «Северо-Запад России». На таких «компасных координатах» затруднительно создавать новые концепции регионального развития подобно тому, как невозможно воспитать патриотические чувства к стрелке компаса.

На примере *Русского Севера* хорошо видна вековая динамика регионального геоконцепта – топонимическая, семантическая, территориальная (см. *Таблицу 1*). Изменение топонима от *Заволочья* и *Поморья* до *Русского Севера* отражают изменение культурного статуса региона в русском культурном пространстве. Показательна и территориальная динамика геоконцепта *Русский Север* за последнее столетие – он дважды сменил свою локализацию (см. *рис. 1*).

Это свидетельствует о том, что геоконцепты – это *динамичные* географические образования, в исследовании которых наряду с географическими подходами уместно применять методы гуманитарных исследований.

Геоконцептные системы

Геоконцептные системы – это системы, состоящие из наиболее значимых (системообразующих) для данного сообщества геоконцептов. Такие системы бывают национальные, региональные или локальные. Геоконцептные системы – это общественные субъектно-объектные системы. Любое человеческое сообщество – этническое, социальное, профессиональное – формирует для себя такие геоконцептные системы: они способствуют удержанию территории сообществом; на них выстраивается его картина мира. Как часть «общественного тела» эти системы способствуют формированию общественной идентичности. По этой причине так болезненно воспринимается утрата отдельных геоконцептов таких национальных систем (например, *Косово* для сербов).

Одним из первых опытов представления и описания региональных концептов России служит работа Ю.А. Веденина [Веденин 2004б]. Автор выстраивает собственный, опирающийся на культурные традиции топонимический ряд (*Русский Север, Новгородско-Псковская земля, Русский промышленный Урал* и т.д.) и для каждого из регионов-концептов даёт яркое образное описание, а затем приводит карту культурно-ландшафтного районирования России.

Карты геоконцептных систем – это ментальные карты; полимасштабные картоиды, центры которых формируются наиболее мощными, значимыми в данной культуре геоконцептами, периферия – менее мощными (см. *рис. 2*). Методика построения таких карт опубликована [Калуцков 2000].

Любое сообщество обладает своей геоконцептной системой, состоящей из наиболее значимых топонимов-геоконцептов с определенной локализацией и интерпретацией. Хотя для каждого геоконцепта существует топонимическая, территориальная и смысловая вариативность, можно выделить инвариант геоконцепта, который задается современным топонимом и территорией его локализации.

Как показывают наши наблюдения, культурное пространство России формируется относительно небольшим набором геоконцептов [Калуцков 2000]. Их можно разделить на 3 группы: 1) столичные города (*Москва, Питер*), 2) сакральные центры и ключевые места в российской истории (*Кремль, Бородино*), а также 3) природные объекты, играющие важную роль в русской культуре и ее идентификации (*Волга, Байкал, Сибирь, Урал*). Кроме того, например, на ментальной карте России у студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова важное место занимает *МГУ*.

Геоконцептная система России москвоцентрична. Почти во всех опросах геоконцепт *Москвы* занимал первые места [Калуцков 2000]. Важное место в культурном пространстве России играет также *Санкт-Петербург*. В последние годы возрастает вес сибирских геоконцептов – собственно *Сибири, Байкала, Камчатки*. Это свидетельствует о большей дифференциации русского культурного пространства в общественном сознании (см. *рис. 3*).

Геоконцепты: перспективы географических исследований и разработок

Работа с геоконцептом – это всегда работа в определенном *культурно-смысловом контексте*. Для географа важно, прежде всего, учесть своеобразие центрирования регионального или локального культурного пространства, освоить элементы местного языка, топонимии, местной географической терминологии, понять местные культурные традиции, изучить традиции отображения места / территории в искусстве. В этом смысле концептуализация географического исследования совпадает с его *гуманизацией*.

На наш взгляд, можно выделить несколько перспективных исследовательских и проектных направлений, связанных с разработкой региональных и городских концептов и геоконцептных систем.

Рис. 2. Основные геоконцепты России
(по результатам авторского опроса группы студентов МГУ, 2009 г.)

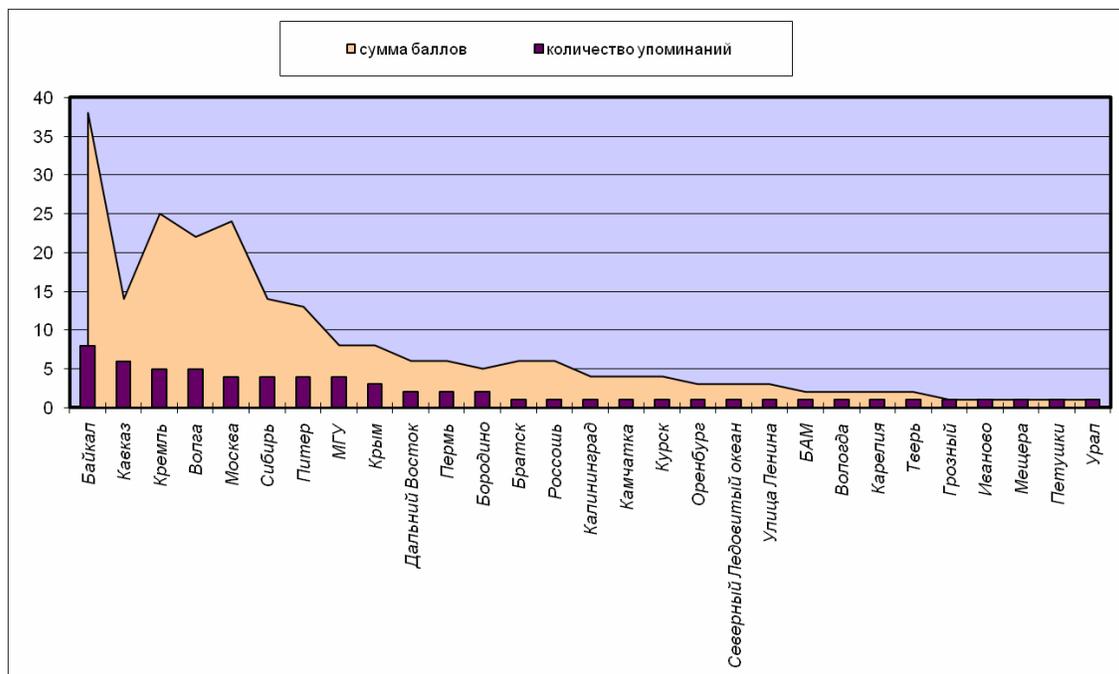

Рис. 3. Распределение основных геоконцептов России с учетом их частотности и значимости (по результатам авторского опроса группы студентов МГУ, 2009 г.)

Значительный интерес представляет исследование системы основных геоконцептов современной России и её эволюции в течение последних десятилетий. Перспективно исследование изменения отдельных наиболее значимых в культуре геоконцептов, выявление и локализация геоконцептных систем разных этнических, социальных и профессиональных сообществ, их детерриторизации и ретерриторизации.

Одно из практически востребованных направлений работ связано с переосмыслением традиционных культурных и исторических образов регионов и городов Европейской России – пример *Русского Севера* демонстрирует такие возможности. Реконцептуализация российских городов особенно актуальна в связи с процессами муниципализации, стремлением городов к развитию с опорой на внутренние ресурсы. Большое практическое значение имеет концептуирование конкретных территорий, с которыми связаны активные региональные и местные сообщества. Один из самых ярких примеров последнего десятилетия – новый образ *Мышкина*.

Актуальны работы по новой концептуализации Сибири (Западной, Восточной Сибири, Дальнего Востока). Как справедливо утверждает Д.Н. Замятин, огромные сибирские пространства с позиции русской культуры и науки в образном плане «недоосвоены», остро нуждаются в географической концептуализации [Замятин 2009].

Непростая проблема – реконцептуализация постсоветского культурного пространства. Во многих бывших советских республиках не только сужается пространство русского языка и культуры, но и происходит их пространственная «переидентификация», разработка новых географических концептов. При участии СМИ разворачиваются целые геополитические сражения вокруг таких казалось бы формальных вопросов, как употребление геоконцептуальных выражений «на Украине» и «в Украине» или новой локализации и интерпретации концептов *Средней Азии* и *Центральной Азии*.

Так, всё более частое употребление в российских СМИ геоконцептуального выражения «в Украине», вероятно, обладает определенной политкорректностью, но ориентировано на разрыв с русским культурным пространством, тяготение к которому заложено в геоконцепте «на Украине». В ещё более явном виде этот аспект проявляется в русскоцентричном геоконцепте «Средняя Азия» и американоцентричном геоконцепте «*Central Asia*» (во многих современных публикациях на русском языке он воспроизводится как «*Центральная Азия*»), которые «прилагаются» к одной и той же территории. В информационную эпоху захват части информационного пространства и формирование на его основе своего геоконцепта зачастую значит гораздо больше, чем завоевание части территории противника в обычной войне.

Как видим, весьма актуальны прикладные исследования, связанные с «движением» отдельных геоконцептов и геоконцептных систем в Интернете и СМИ.

В первую очередь геоконцептная проблематика может быть востребована в культурной, гуманитарной и исторической географии, в геополитике, страноведении и ландшафтоведении, а также в географических разделах негеографических гуманитарных дисциплин. Вместе с тем любой географ вне зависимости от специализации, называя объект своих исследований, сознательно или бессознательно пытаясь внести свою лепту в образ исследуемой территории, осознавая ее уникальность, де факто работает с геоконцептом – отсюда и громадные перспективы исследования геоконцептов.

Литература

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000.

Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1. М., 1909.

Веденин Ю.А. Информационная парадигма культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004а. С. 68–81.

Веденин Ю.А. Опыт культурно-ландшафтного описания крупных регионов России // Культурный ландшафт как объект наследия / Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Институт наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004б. С. 338-382.

Веденин Ю.А., Гудима Т.М., Шульгин П.М. Концептуальные положения формирования государственной целевой программы «Культура Русского Севера» // Наследие и современность: Информационный сборник. Вып. 12. М.: Институт наследия, 2004.

Голд Дж. Психология и география: Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990.

Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.: Ин-т экспериментальной социологии, СПб, 1998.

Замятин Д.Н. Геократия: Евразия как образ, символ и проект Российской цивилизации // Россия: воображение пространства / пространство воображения / Отв. ред. И.И. Митин; Сост. Д.Н. Замятин, И.И. Митин. М.: Аграф, 2009. С. 339-377.

Замятина Н.Ю. Концептуальные основы изучения региональных образов // Региональные исследования. 2011. №2(32). С. 24-32.

Калуцков В.Н. Основы этнокультурного ландшафтоведения. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000.

Калуцков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008.

Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А. и др. Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М.: Изд-во ФБМК, 1998.

Каргин А.С., Соловьева А.Н. Русский Север и современные процессы трансформации традиционной культуры // Традиционная культура. 2005. №2. С. 79-89.

Колесников П.А. Русская деревня в XV – первой половине XIX века. Вологда: Северо-западное кн. изд-во, 1976.

Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М.: Институт археологии РАН, 1993.

Матвеев А.К. Субстратная топонимика Русского Севера. Ч. I. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2001.

Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004.

Мурзаев Э.М. Слово на карте. М.: Мысль, 2001.

Ополовников А.В. Русский Север. М.: Стройиздат, 1977.

Платонов С.Ф. Прошлое Русского Севера. Очерки по истории колонизации Поморья. Пг.: Время, 1923.

Русский Север: ареалы и культурные традиции. СПб.: Наука, 1992.

Русский Север: к проблеме локальных групп. СПб.: Наука, 1995.

Русский Север: этническая история и народная культура XII – XX века. М.: Наука, 2001.

Тютюнник Ю.Г. Философия географии. К.: Університет «Україна», 2011.

Энгельгардт А.П. Русский Север. Путевые заметки. СПб: Издание А.С. Суворина, 1896.

Zelinsky W. North America's vernacular regions // Annals of the Association of American geographers. 1980. Vol. 70. No. 1. P. 1-16.